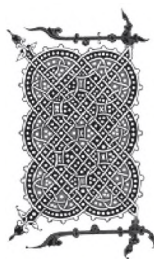

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

О. А. Федосенко

ПОХОРОНЫ БАТЮШКИ

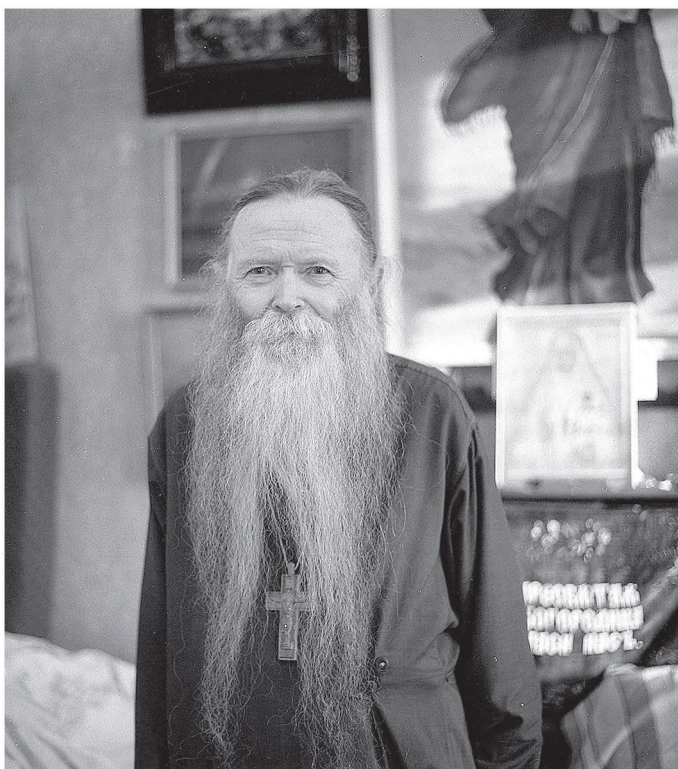
В редакцию передан не совсем обычный документальный материал воспоминаний о похоронах московского священника и старца, подвижника веры, пострадавшего в годы гонений протоиерея Михаила Труханова, теперь уже широко известного благодаря опубликованным мемуарам и многочисленным богословским трудам. Воспоминания написаны духовной дочерью протоиерея Михаила Ольгой Анатольевной Федосенко. В мельчайших подробностях она передает происходящее в те несколько дней, которые были связаны с похоронами о. Михаила, пишет о похоронах именно старца и духовного отца, который и после кончины продолжал оставаться духовным опекуном одного из своих многочисленных духовных чад. Воспоминания позволяют увидеть тот подлинный внутренний мир взаимоотношений в духовной семье, который чрезвычайно трудно порой передать обычными словами, описывающими поступки и события в их обычном, повседневном течении. Соизмеряя трагические события расставания с духовным отцом (а это и глубокая человеческая скорбь, и особые чувства, которые автор воспоминаний испытывает в эти дни, и необыкновенная духовная сосредоточенность на главном — любви к усопшему) с той простой человеческой повседневностью (похоронные хлопоты и прощание), которая в пересказе автора становится осмысленно-выпуклой, отмеченной промыслительной ясностью, мы — читатели — и призваны увидеть то чудо, которым является для духовных детей их духовный отец. Перед нами раскрывается традиционный взгляд на это явление, и тем он интереснее и притягательнее. Это обстоятельство и заинтересовало нас при отборе публикации переданного нам текста.

В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения протоиерея Михаила, крупного православного богослова, оставившего нам большое число замечательных трудов, которые сейчас активно издаются и имеют большой спрос, в том числе у современных священников-миссионеров, несущих послушание окормления заключенных. Члены редколлегии нашего журнала также хранят благодарную молитвенную память об этом замечательном человеке, когда-то благословившем издание нашего журнала и поддерживавшим его своими молитвами.

От редакции

Вечером 16 марта 2006 г. мне позвонили, просили сугубо молиться за батюшку, состояние здоровья резко ухудшилось, и его повезли в больницу. Я заметалась, никак не могла понять, к кому из святых обратиться за помощью. Неожиданно из меня буквально полилась тихая молитва: «Господи, да будет Святая воля Твоя. Я покоряюсь Твоей воле, но если можно, оставь нам здесь нашего батюшку, Ты Сам знаешь, как он нам нужен, сколько его духовных чад осиротеют», и я сразу успокоилась. На душе было удивительно покойно, хотелось молиться, а слов не было, было просто доверие Богу, состояние, которого я никогда раньше не испытывала. Через какое-то время мне вновь позвонили и сказали, что батюшка упокоился. Я говорила, что не могу в это поверить, но внутри меня не было ни отчаяния, ни протеста. Так решил Господь дать Свой покой нашему многострадальному батюшке, и Ему видней. Сколько раз отец Михаил говорил нам, что настоящее счастье — это быть со Христом и во всем **всегда** доверять Ему, но возможность исполнения первой заповеди надо вымаливать именно своей жизнью. А мы слушали и продолжали жить по своей воле, надеясь на батюшкины молитвы, чтобы у нас и наших родных все было хорошо и при этом, чтобы спаслись наши души без нашего труда, за его праведные молитвы. А сколько он болел и страдал, вымаливая каждого из нас, мы об этом не задумывались. Не ценили мы нашего батюшку, не внимали его словам с благоговением, не выполняли его наказов, а только скорбели, что о. Михаил уехал из Москвы, забывая о том, что он ничего и никогда не делал без воли Божией. Сколько раз он говорил, что нельзя к нему прилепляться, вообще ни к кому из людей, только ко Христу. Мы утвердительно кивали головой, но выполнить это было выше наших сил, нас всех тянуло к о. Михаилу, как к магниту, и он уехал, может быть, еще и для того, чтобы постепенно приучить нас обходиться без него, начать, наконец, работать над собой, надеяться не на него, а на Христа. Ведь отец Михаил и в Белоруссии продолжал молиться за нас, что нам еще нужно?

Мне захотелось узнать, каких святых прославляет сегодня Церковь, и я открыла календарь. Оказалось, 16 марта — день памяти мученика Михаила, погибшего в 1938 г. Дивны дела Твои, Господи! Как наш батюшка почитал новомучеников! Его отец протоиерей Василий замучен на

Колыме именно в 1938 г. А сегодня 40-й день упокоения архимандрита Иоанна (Крестьянкина), которого наш батюшка очень почитал. Они молились друг за друга, Иоанн (Крестьянкин) даже прислал однажды отцу Михаилу крест. У Бога нет случайностей.

Утром то необыкновенное чувство моего покоя ушло, и я поняла, что это Господь утешил меня по молитвам батюшки, зная мое малодушие. Весь день молилась об упокоении души дорогого батюшки и читала Евангелие, и мне никто и ничто не мешало: ни работа, ни окружающие, ни давка в транспорте, ни помыслы, я понимала, что именно читаю, и от этого было светло на душе. Мне сообщили, что батюшку привозят завтра из Белоруссии, будут хоронить и отпевать на Ваганьковском кладбище. Как же возрадовалось мое сердце, я увижу батюшку и смогу сказать последнее «прости». Слава Тебе, Господи!

Как только узнала, что батюшку привезли в Москву, помчалась на Ваганьковское кладбище. Батюшка лежал в правом приделе храма Воскресения Словущего в небольшом гробу в белом облачении с Евангелием на груди, в руках держал крест, лицо было закрыто. Какой-то священник из его духовных чад, стоя перед гробом, читал Евангелие глубоким проникновенным голосом. С благоговением подошла к батюшке. Ручка у батюшки была мягкая и теплая, я припала к ней. Было ре-

альное ощущение, что я прикладываюсь к живому батюшке после его благословения. Сразу стало легко, внутреннее напряжение спало. Вокруг гроба стояло 4 подсвечника и баки с цветами. Служители храма не успевали подносить ведра для цветов. Началась всенощная. Вновь пришедших пропускали к батюшке, и они так же, как и я, отходили успокоенные и умиротворенные.

Несколько раз прикладывалась я к батюшкиной ручке и чувствовала тонкий, но в то же время сильный аромат, он чем-то напоминал цветочный запах, только был гораздо мягче и нежнее. Позже Валентина Андреевна¹ рассказала, что когда батюшку привезли на Ваганьково и открыли крышку гроба в храме, из гроба пошло сильное благоухание. Часа через два, когда запах рассеялся по храму и уже не ощущался так явно, пришло начальство и отругало ее, зачем так сильно надушили батюшку, неужели нам недостаточно заморозки. Откуда им было знать, что никакой заморозки вообще не было, тем более каких-то протирок тела одеколонами, дезодорантами и прочим. Им и в голову не могло прийти, что можно привезти покойника из Белоруссии в Москву без заморозки. А цветы, которых было вокруг гроба просто море, почему-то совсем не пахли. Несмотря на свою яркую красоту, они производили впечатление не живых, а искусственных цветов. Помню, меня поразила эта мысль: тут все наоборот, мертвые цветы и живой батюшка, только неподвижный.

После службы привезли матушку. Сердце разрывалось, глядя на нее, как она, худенькая, маленькая, вся сгорбленная, встав на цыпочки, прикладывается к батюшкиной ручке и все время повторяет: «Сокровище мое! Радость моя!». Матушка никого не видела и не узнавала. После тяжелой болезни она была очень слаба, самостоятельно не могла стоять, ее поддерживали под руки. Чуть посидев на стуле, она вставала, снова и снова тянулась к батюшкиной ручке. Ее протяжный голос отчетливо звучал на весь храм: «Сокровище мое!». Невозможно было удержать слезы. Многие подходили к ней, пытались как-то утешить, она всем говорила одно и то же: «Кто это? Простите меня, я ничего не понимаю, плохо вижу». Я тоже подошла к матушке. Верочка спросила: «Ты ручку у сокровища целовала? Еще поцелуй». И сжав мою руку, стала говорить: «Меня заставляют есть, а я не могу есть без батюшки. Мне надо быть рядом, около него. Здесь мне хорошо, а дома плохо. А мне говорят, что я еще больная и слабая, мне надо лежать дома. Я

хочу всю ночь быть около моего сокровища. Я выдержу, не забирайте меня отсюда! Я рядом с ним сильная, а не слабая. Почему они этого не понимают?» У меня слезы катились градом. Я даже забыла, когда последний раз плакала. На похоронах своей младшей сестры у меня ни одной слезинки не было, как окаменела. А тут стояла около матушки на коленях перед гробом батюшки и слезы лились рекой. Как только представилась первая возможность, я рассказала Валентине Андреевне о своем разговоре с матушкой, и хотя в ту ночь Верочку увезли домой, но рано утром уже привезли, и потом до самого погребения она все время была рядом с батюшкой.

Мне хотелось читать ночью около батюшки Псалтирь, но желающих было очень много, и я смирилась. Поздно вечером позвонила Валентина Андреевна и сказала, что я буду распорядителем поминальной трапезы и вопрос только в том, смогу ли я отпроситься с работы на понедельник. Это было полной неожиданностью и для меня и, как потом оказалось, для всех батюшкиных чад, я же никого не знаю на Ваганьково, у меня нет ни опыта в этом деле, ни организаторских способностей, я не справлюсь. Но Валентина Андреевна все мои сомнения тут же отмела: «Это не мое решение. Ты должна именно так послужить батюшке». Утром после Причастия я подошла к служащему священнику и взяла благословение на это послушание, попросила помолиться за меня, очень переживаю, как выполнить такое трудное дело, а он мне сказал: «Не надо, успокойся. Ангелы придут и все сделают, сама потом будешь удивляться». Священник говорил это так уверенно, очень серьезно, без тени улыбки, и я сразу успокоилась.

Валентина Андреевна отвела меня в маленькую комнату, которую нам выделили для организации похорон, представила меня всем как организатора поминальной трапезы. Мы согласовали с ней меню, в крестильном храме решили кормить батюшек, а в трапезной, которая находится в подвале храма, накрыть столы для самых близких чад и кормить их в две смены, для всех остальных организовать чай с пирогами и блинами около могилы. У о. Михаила много духовных чад, и хотя сумели дозвониться еще не до всех, но уже дважды объявили по «Радонежу» о дне похорон, поэтому мы предполагали, что придет не менее 200 человек.

Многие духовные чада предлагали Валентине Андреевне свою помощь, она всех записывала, и поскольку здесь в храме варить было негде, она поручала готовить еду дома. Я пыталась систе-

¹ Валентина Андреевна Звонкова, помощница и издатель книг прот. Михаила.

матизировать этот список и сразу записать телефоны этих людей, чтобы самой иметь полное представление о готовящейся еде. Но сделать это было крайне сложно, Валентину Андреевну постоянно отвлекали, приходили с разными вопросами, спрашивали одновременно, перебивая друг друга, каждый требовал немедленного ответа, одни уходили, другие приходили. Особенно тяжело было, когда приходили бабушки. Их усаживали на имеющиеся в комнате два стула, я вставала, отдавала им свой стул, поила их чаем, а они много и нудно рассказывали Валентине Андреевне свои переживания и «вещие» сны. Я ничего не могла с этим сделать. Объяснять, что

которые пришли просто пообщаться, узнать о последних днях батюшки, и выпроводить их из нашей маленькой комнаты было непросто даже Валентине Андреевне. Я была в полной растерянности, время шло, моя работа стояла на месте потому, что я не могла с ней толком поговорить, чтобы обсудить хотя бы неотложные дела.

Пошла к батюшке. Народу было много, приезжали на автобусах приходами со своим клиросом и служили панихиды. Было много монашествующих из разных монастырей, сестер милосердия. Священники стояли в очередь, чтобы отслужить панихиду у батюшки. Сколько у нашего батюшки духовных чад! Валентина Андреевна сказала, что

у нас совсем мало времени и очень много дел, я устала, это было бесполезно. Моих увещаний хватало ровно на 30 секунд, в течение которых вновь пришедшие запыхавшиеся люди сообщали Валентине Андреевне о новой проблеме, и она часто с ними уходила. Приходили новые бабушки, я бегала искать другие стулья, снова поила чаем. И тогда они начинали рассказывать уже мне в 125-й раз свои истории. А телефон городской разрывался, все хотели слышать только Валентину Андреевну. Дверь не закрывалась от входящих и выходящих людей, но в основном это были люди,

ей звонили из Нижнего Новгорода, Самары, других городов и сказали, что выедут сразу после воскресной Литургии и обязательно приедут на отпевание, будут ехать на машинах всю ночь. А люди все прибывали и прибывали. К батюшке подойти уже не было никакой возможности, но хотя бы недалеко побыть около него для меня было большим утешением! Увидела матушку, она постепенно оживала, попросила горячего чая, я принесла ей. Рядом на скамейке стояла всякая постная еда для нее. Когда я подошла к ней, она меня сразу узнала: «Оля высокая». Силы ее прибывали рядом с

батюшкой, поздно вечером она даже приходила к нам в трапезную и хорошо покушала. Ее оставили на следующую ночь при батюшке. Я тихо порадовалась за нее.

Вернулась в нашу каморку. Бабушки меня больше уже не раздражали, очень даже поучительные истории оказались, ведь говорили они в первую очередь о батюшке, как он одну исцелил, другой помог, у третьей решились жилищные проблемы. Некоторые бабушки знали о. Михаила 40 лет. Наконец-то я смогла поговорить с Валентиной Андреевной о делах и выяснить, кто и что готовит дома, сразу сказала, что этого количества еды очень мало, отец А. поддержал меня. Стали обзванивать других людей, просить приготовить нужную еду. Не обошлось без искушений. Я выписала на одном листе неотложные дела, на другом телефоны людей, готовящих дома еду. Оставила свои листочки на столе в комнате, прихожу, а бумажек моих нет. Никто их не брал, бабушки не выходили из комнаты. Переживать было некогда, общими усилиями смогли восстановить телефоны некоторых людей. Главное было не паниковать и не терять голову. Однажды срочно нужен был Александр, хорошо помню, как заносила его номер в свой телефон. Нет этого номера в моем мобильнике. Даже не успела помолиться, просто вздохнула, Александр идет мне навстречу. Только теперь понимаю, что Господь утешал тогда каждую минуту, видя, какие искушения и нападки валяются на нас.

Александр взял на себя заказ и доставку 700 пирогов и привоз кипятка в больших (15 л) термосах. Стали приходить люди потрудиться для отца Михаила. Некоторые женщины меня поражали своим спокойствием, в них не было суеты, работали они вроде бы неспешно, но все дела делались у них быстро, качественно и без надрыва, это были буквально «палочки-выручалочки», в них чувствовалась батюшкина школа смирения. Я поручала им самую трудную работу, и они всегда справлялись, никогда не дергали ни меня, ни Валентину Андреевну, сами решали возникающие проблемы, понимая, что я человек новый в этом приходе и ничего не знаю. А Валентину Андреевну они просто жалели, видя, как ее разрывают на части, а ведь она не спала уже двое суток и везла батюшку из Белоруссии. Но об этом тогда мало кто думал, некогда было жалеть ни других, ни себя.

Отец А. занимался основной закупкой продуктов. Накануне они согласовали список, но он очень переживал, хватит ли этих продуктов, чтобы накормить всех. Я согласилась с ним и предложила увеличить это количество как минимум втрое. Когда кто-то из батюшкиных чад нанял нам в помощь профессионального менеджера одного

из элитных ресторанов, мы успокоились, особенно отец А. Менеджер Ксения оказалась молодой девушкой, очень энергичной и деловой, звонила мне много раз, выясняя и учитывая каждую мелочь, она прекрасно справилась со своей задачей. Валентине Андреевне позвонили сестры с Лазаревского кладбища, сказали, что испекут и привезут 700 пирогов для батюшки. На Валаамском подворье мы заказали 200 пирогов, из Лавры должны были привезти пироги и блины. Всего нам должны были привезти, если все получится идеально, около 2000 пирогов и блинов. Если честно, я не рассчитывала, что привезут все эти пироги и блины. Но в итоге, не считая блинов и булочек с маком, у нас оказалось 2400 самых разных пирогов с капустой, яблоками, курагой, изюмом, повидлом, рисом. А блины нам приносили потом по 50 и 100 штук некоторые духовные чада самостоятельно, без наших просьб.

Мобильный телефон у Валентины Андреевны вырубился, городской работал через раз, чуть слышно, а потом совсем отключился. Лазаревские сестры свой контактный телефон не оставили, пришлось отправлять туда людей и искать звонивших сестер. Весь поздний вечер мой мобильный телефон служил единственной контактной связью. У меня оставалось на нем всего 70 рублей, у нас просто не было времени искать, где можно положить деньги на телефон, поэтому мы звонили с моего мобильного и просили нам перезвонить. Что удивительно, когда я пришла на работу во вторник, оказалось, что у меня на счете осталось еще 20 рублей.

Я все время звонила многим чадам и выясняла реальные возможности их помощи, степень готовности еды для нашей трапезы. Обследовала всю имеющуюся посуду в обеих трапезных, оказалось, что нам ее не хватит, стала снова звонить и просить привезти все, что можно. Отец А. с Ксенией привезли продукты на трех больших машинах, надо было срочно организовать разгрузку продуктов. Необходимо было сделать уборку в трапезной, побежала в храм за подмогой. Людей пришло много, всем нашлась работа кроме уборки: мыли посуду, овощи, чистили картошку, промывали компот, готовили столы, носили скамейки. В крестильном храме накрыли столы, куда можно разместить 32 человека, а нужно посадить 50. Бегаю, ищу дополнительные столы, узнала, что есть столы в воскресной школе, но нет ключей. Договариваюсь в Андреевском храме, чтобы забрать оттуда 2 стола, долго ищу мужчин, потому что сама не могу их даже сдвинуть. Оказывается, внутри они забиты церковной утварью. Освобождаю столы, мужчин куда-то позвали на минуту, больше я их не видела.

Перетаскиваю столы сама вместе с алтарником в крестильный храм через улицу. Едва донесли эти тяжеленные столы, а меня ругают, что такие столы здесь не подойдут. Как хорошо, когда нет времени на словопрения и обиды.

Бегаю между двумя трапезными по улице без верхней одежды, где-то оставила свое пальто, но холода не чувствую. Валентину Андреевну не могут найти, теперь все дергают меня. В подвале Андреевского храма работа кипит, все хорошо работают. Долго искала мужчин поднять 60-литровый бак с компотом на плиту. Через некоторое время плита задымилась, пошла страшная вонь. Что же делать? В крестильном храме нет плиты, только маленькая переносная плиточка, на которой варится морс. Есть еще плита в Воскресенском храме в подвале, побежала туда договариваться. Переносим такую тяжесть по улице из подвала Андреевского храма в Воскресенский храм. Нести далеко, да еще полный бак. Вылить сейчас воду из бака и снова залить уже в подвале Воскресенского храма нельзя, потому что компот поварился и дал навар. Мы только немного отлили от верха, чтобы удобно было нести. Большая сложность была спуститься в подвал с этим баком. Я еще никогда не видела таких крутых и узких ступеней. Пока я медленно спускалась туда налегке, стукнулась головой не один раз. Не представляю, как можно было опустить туда этот огромный бак и не пролить ни капли! Установили бак на плиту и включили сразу все 4 конфорки. Все были, что называется, в мыле, не только мужчины, но и я.

Когда поднялась из подвала наверх, в Воскресенский храм, увидела посреди храма дорогой гроб какой-то женщины. Как? Ведь договаривались же, чтобы до батюшкиного погребения не ставили в этом храме больше гробов, есть же еще Андреевский храм. Вижу запыхавшуюся Лидию и бледную Валентину Андреевну, пытающихся как-то воспрепятствовать этому. Господи, за что нашему батюшке и в жизни одни мучения и после смерти нет ему покоя? Подошел алтарник: «Скорей бы погребение, как все устали от искушений», и я не нашлась, что ему ответить, у меня у самой было малодушие. Но ведь Господь знает обо всем, что происходит, все видит и не оставит нас!

Через некоторое время этот богатый гроб засмердел. Эти холеные дамочки в шикарных шубах кого-то вызвали сделать новую заморозку и согласились перенести свою покойницу в левый придел храма. Там он стоял до отпевания нашего батюшки. Забегая вперед, скажу, что как только батюшку вынесли из храма, а гроб с телом женщины поставили в центр храма, оно снова засмердело, несмотря на элитную заморозку. Родствен-

ники срочно вызвали новую бригаду и заморозку повторили, но ее хватило только на несколько минут и тело засмердело еще больше. Запах был такой сильный, что никто не мог находиться около гроба. Родные просили открыть все окна в храме и побыстрей отпеть свою покойницу. Вот Господь все и расставил по своим местам! Вразумятся ли власть предержащие?

Был уже поздний вечер, народу стало поменьше, можно было пройти к гробу батюшки и приложиться к ручке. Благоухание усилилось. Как же мне не хотелось уходить от батюшки! Счастливые люди, вы можете быть около батюшки, слушать Евангелие, участвовать в панихидах. А мне по моим грехам надо бегать, выпучив глаза. Сколько бесполезной суеты у меня сегодня, прошел весь день, а ничего еще толком не сделано. Батюшка, ты много молился за меня и твои святые молитвы Господь сразу слышал, а теперь ты еще ближе к Богу, помолись за меня посильней, ведь из-за моей беспечности столько людей останется голодными.

Попросила сестер в храме присмотреть за компотом, который варился в подвале. Впоследствии оказалось, что плита эта работает плохо, компот закипал 5 часов. Мои попытки найти крышку ничем не закончились. В крестильном храме столы накрыли, я успокоилась, что хотя бы одна трапезная у нас полностью готова, пора накрывать вторую. Из трапезной Андреевского храма исчезли скамейки, кто-то из мужчин их унес. Никто из женщин им не мешал, все были уверены, что со мной все согласовано. Побежала наверх выяснять, никто ничего не знал. Надо было искать другие. Вспомнила, что в воскресной школе видела скамейки. Никак не могу найти, у кого ключи, нервничаю, уже поздно, надо срочно накрывать столы. Остановилась, я же в храме, все святые смотрят на меня и ждут, когда я буду молить их о помощи, а я ношусь, как одержимая. Какая уж у меня может быть молитва в такой суете? Жалобно поклонилась о помощи, приложилась ко всем иконам и через 5 минут ключи нашлись. Но в воскресной школе скамеек не было, кто, когда и куда их унес, уже не имело смысла выяснять. Стала искать скамейки в храме, нашла на клиросе, но ведь ничего нельзя брать из храма без благословения. Господи, что делать, где и кого я найду в столь поздний час? Навстречу мне идет служитель храма. Слава Богу! Искать мужчин некогда, сама перетаскиваю длинные скамейки из храма в подвал, тяжести не чувствую.

Женщины помыли овощи и фрукты, подготовили посуду, картошки начистили целый 80-литровый бак и две большие кастрюли по 35 л. Нам привезли несколько ведер виногрета и свеклы с

черносливом и орехами, кто-то принес только что испеченные пироги, трехлитровые банки своих огурцов, разных солений, грибов, причем многих людей у меня не было в списке. Как они все хотели послужить батюшке! Я была всему рада, принимала с благодарностью. Клавдия с сыном привезли из Одинцова 400 испеченных блинов, пятилитровую кастрюлю кутьи, банки с грибами и солеными огурцами. Не представляю, как можно было дотащить на себе такую тяжесть и как сумели столько напечь блинов! Клава рассказала, что пекла 200 блинов целый день, а когда я позвонила и попросила испечь еще 100, она, помолвившись, за полтора часа испекла еще 200, да таких вкусных, таких у нее еще никогда не было. Пекла на нескольких сковородах, и у нее было реальное ощущение, что не она печет, а кто-то, она только держится за половник, так все ловко получалось, что сама поражалась. Потом стала считать и удивляется, только что было 2 блина, стало 5. Посадила сына считать, раскладывать по десяткам и заворачивать стопки в фольгу, а он недоумевает: «Совсем плохо у меня с арифметикой, только что посчитал, а откуда-то лишняя стопка блинов появилась». Легко с ней, Клава простая и добрая. Ирина с мужем привезли 30 л борща, 200 котлет из чечевицы, новые ведра, кастрюли, всякую вместительную посуду. Как это можно было приготовить за полдня, не представляю. И даже о нас они позаботились, Иринка приготовила вкусный постный плов и салат из морской капусты, чтобы мы подкрепились. Батюшка, родной, какие у тебя чада! Слава Богу, что я с ними познакомилась! И ведь только благодаря своему послушанию, а я, глупая, все ропщу. Прости меня, Господи.

Валентина Андреевна привела людей покусать, они только что приехали издалека. Мы кормили их и поили чаем. Много приходило людей, одни уходили, приходили другие. У меня пошел внутренний ропот: и так времени совсем нет, а тут еще нам проблемы, корми, посуду мой, завтра надо всех людей кормить, а не сегодня. И тут же мне рассказали про отца В. и приехавших с ним людей. Я видела их у гроба, и ничего не зная, сразу обратила на них внимание, они отличались от всех присутствующих какой-то необыкновенной собранностью, сплоченностью, цельностью и глубиной веры, они стояли молча, но не скорбели, как многие вокруг, а молились, и эту молитву нельзя было спрятать. У меня тогда мелькнула мысль: в каком монастыре учат так молиться? Оказывается, это бывшие заключенные, которых наш батюшка вместе с отцом В. вымолили. Дивны дела Твои, Господи! Какие встречи Ты мне устроил, прости мою бестолковость и ропот.

Стали всю посуду мыть заново. Пришла Валентина Андреевна и велела налить чай в термосы и собрать еду в сумки, чтобы покормить людей, они приехали целыми автобусами. Я не чувствовала усталости, настроение было хорошее, я считала, что основное уже было сделано. Мужчины перенесли 80-литровый бак с картошкой из подвала Андреевского храма в подвал Воскресенского, где варился компот. Нести было очень тяжело, к тому же идти далеко, несколько раз мы отдыхали. А как спускали этот полный до краев бак в подвал по этой жуткой лестнице, вообще невозможно описать.

Надо было накрывать столы во второй трапезной, и мне опять нужны были помощники, а женщин найти не могу, все приехали побыть около батюшки, а не заниматься хозяйственными делами. Я стала накрывать столы сама и настроилась работать всю ночь одна, раз недостойна быть около батюшки. Но Господь милостив, прислал мне монахиню М., она мне очень много помогала и тогда, и на следующий день. Я стала расставлять посуду, а монахиня раскладывала соленья по салатникам. Пришла «Оля маленькая», как ласково называла ее наша матушка Верочка, очередная «палочка-выручалочка», и сразу же включилась в работу, раскладывала кутью по тарелкам и украшала крестом из изюма. Как же огорчилась Олечка, когда Валентина Андреевна поручила ей какое-то другое важное дело, и она вынуждена была уйти. Но вскоре пришли еще сестры, стали резать овощи и фрукты, красиво раскладывать их на блюдах. Работа закипела. За несколько часов трапезная преобразилась. Столы без преувеличения были сервированы прекрасно, с большим вкусом, даже изяществом, все соленья, овощи, фрукты очень красиво украшены. Я смотрела и тихо радовалась. Слава Богу, вторая трапезная готова. Надо бы мне сделать маленький перерыв, сесть и спокойно, четко продумать и записать главные дела на завтра, чтобы потом в суете ничего не забыть.

В половине первого ночи пришла Валентина Андреевна, по ее очень бледному собранному выражению лица мне стало ясно, случилось что-то серьезное. Она заставила нас сесть и сообщила, что возникли проблемы и нам не благословляют делать трапезу в крестильном храме, поэтому отсюда всю еду со столов мы сейчас быстро убираем, а всё, что накрыто в крестильном храме, переносим сюда. Священники будут кушать здесь, остальные на улице. Это была катастрофа. Я сидела не просто ошеломленная, а буквально раздавленная, в висках застучало, я не могла сдвинуться с места от сильной головной боли и слабости во всем теле. Валентина Андреевна, взглянув на меня, резко и

властно сказала: «Ну, что раскисла? Ты батюшкина или нет? Пора привыкнуть держать удар. Дело надо делать, а не нюни распускать!» От силы ее слов, полных твердости и решимости сражаться до конца, я мгновенно пришла в себя. Слава Тебе, Господи, есть по-настоящему верующие люди, готовые служить батюшке в любых ситуациях. Я быстро стала приходить в себя. Валентина Андреевна велела женщинам всё убирать со столов, а меня отвела наверх, в храм и, глядя меня по спине, ласково утешала, что теперь никто не взыщет за трапезу, зная, в какой трудной ситуации мы очутились, чтобы я успокоилась — это теперь главное, на мне очень большая ответственность. Мне стало стыдно за себя, какое из меня батюшкино чадо? Надо работать, а не переживать.

Побежала в подвал. Женщины суматошно бегали по трапезной, пытаюсь составить все тарелки на один стол. Я была спокойна, мысль работала четко и ясно. Остановила всю их работу и объяснила, что сейчас сюда будут носить из крестильного храма в большом количестве тарелки с едой. Наша задача за 10 минут полностью очистить эти столы от тарелок, поэтому берем пакеты и ссыпаем в них все фрукты с тарелок, также овощи в другие пакеты, капусту в кастрюли, отдельно соленья, салатники с кутьей ставим на холодильник, винегрет высыпаем в ведро. Я не просто говорила, а одновременно освобождала место на кухне, находила пакеты, ведра, кастрюли, показывая, что куда и кому сыпать. Суеты не было, все работали четко и собранно.

Позвонил отец А., он уже все знал, спросил тревожно, как я и как обстановка в трапезной. Я спокойно и уверенно ответила, что у нас все нормально, работаем без паники. Как же он обрадовался, что дух батюшкин жив! Нашла ему Валентину Андреевну, передала свой телефон и побежала опять в подвал. Только успели освободить один стол, понесли еду из крестильного храма, людей было много, практически шли вереницей. Нам пришлось немало потрудиться, чтобы одновременно освобождать от еды наши столы и принимать священническую еду, следить за тем, чтобы ничего не перепутать. С Божией помощью все удалось, перенесли еду из крестильного храма довольно быстро. В течение нескольких минут наша трапезная превратилась в склад, это было жалкое зрелище. Даже не верилось, что еще полчаса назад обе трапезные были прекрасно сервированы. Теперь на голых столах стояли вперемежку разные тарелки, на скамейках были навалены пакеты, с не пойми какой едой. Как мы не разбили ни одной тарелки и не перевернули ни один пакет с едой в этой суматохе, поразительно. А во что превратилась наша

кухня! На всех столах, на окне, на полу, на любом свободном местечке стояли груды тарелок и пакетов с едой. Как во всем этом можно разобраться, я не представляла.

Женщины заявили, что они все сделали и уходят на ночь читать Псалтирь у гроба батюшки. При всей своей эмоциональности я даже не возмутилась от такого заявления, спокойно и решительно сказала, что читать ночью будут только священники, а они здесь, чтобы послужить батюшке, а не мне. Работа не закончена, посмотрите вокруг на весь этот развал, хотя бы на кухне, может ли один человек справиться за ночь с этой работой? Дело было даже не в словах, а в той решимости достучаться до их сердец, и с Божией помощью мне это удалось. Я попросила полностью освободить столы на кухне, чтобы завтра здесь было удобно работать и не было путаницы, какие продукты идут на священнический стол, а какие на общий. Нашла в коридоре неизвестно откуда взявшиеся коробки, мы укладывали туда наши блюда с соленьями, пакеты с овощами. Я быстро мыла освободившиеся тарелки, вытирала и запихивала чистую посуду обратно в шкафы. Потом оказалось, что я поставила все так, как было изначально в трапезной, но ведь я даже не знала, где и что стояло, не я их оттуда брала. Стала разбираться с пакетами и тарелками, стоящими на полу, чтобы никто на них не наступил и не упал. В итоге общими усилиями мы привели кухню в порядок. Пол и столы были полностью освобождены от еды, продукты на общий стол были сосредоточены в одном месте. Только тогда я отпустила женщин.

Вместе с монахиней М. мы стали накрывать столы для священнической трапезы. Работы было много, мы освобождали от еды один стол, покрывали его красивой скатертью, расставляли тарелки и собирали еду, которая стояла всюду, на скамейках, подоконниках, на пианино, на всех стульях. Я видела, что монахиня падает от усталости, возраст давал о себе знать, но что я могла сделать? Помню, что сама стала все время спотыкаться, ноги налились свинцом, я сняла сапоги и бегала босиком. Наверное, мы бы так всю ночь работали, но Господь прислал нам двух женщин с маленькими детьми, их благословили здесь в подвале спать. Был уже пятый час ночи, надо было дать детям поспать и самим хоть немного отдохнуть. Разместились на стульях и на лавках, детям под голову нашли телогрейки в коридоре и выключили свет. Все тут же уснули, а я боролась со сном, пытаюсь сосредоточиться и хоть как-то продумать завтрашний день, пока не поняла, что это бесполезно, недаром в народе говорят, что утро вечера мудренее. Только стала засыпать, пришла мысль: мы же даже не помолились, ни одной молитвы не прочли,

никто! Наваждение какое-то. Очень расстроилась, даже сон пропал, решила сама хоть чуть-чуть помолиться, не могу сосредоточиться и вспомнить ни одной молитвы, какая-то пустота в голове. Что делать, где найти свою сумку с молитвословом в этой темноте? И вдруг не в голове, а откуда-то из глубины сердца тихая, ласковая такая мысль: да уgomонись ты, наконец, и спи спокойно, есть кому за вас помолиться. Сразу стало спокойно и уютно, и я тотчас заснула сладким, как в детстве, сном.

Проснулась около 7 утра, я хорошо выспалась, хотя вторую ночь спала очень мало. Пошла в Воскресенский храм к батюшке. У гроба батюшки служили панихиду. Матушка, полулежа, сидела на скамейке у гроба уставшая, но умиротворенная. Вокруг гроба было не так много людей, они провели с батюшкой всю ночь. Во всем их облике, несмотря на физическую усталость, был какой-то удивительный единый покой, смотреть на них было умиротворяюще. В воздухе стояло благоухание, оно сильно отличалось от запаха кадильного ладана. Мне даже показалось, что благоухание шло уже не только от гроба, но даже и от всех стоящих вокруг него людей. Приложилась к ручке батюшки, она по-прежнему была мягкой. Как ни грустно и тяжело мне было уходить от батюшки, усилием воли заставила себя идти на свое послушание.

Спустилась в подвал этого храма. Кто-то долил воды в компот до самого верха бака. Ну, кто такой умный, почему лезут не в свое дело? Как теперь нести этот полный бак? Ладно, какой теперь смысл искать виноватых, надо решать возникшую проблему, найти половник с большой кастрюлей и отлить часть компота. Но сначала мне нужны были мужчины, чтобы снять компот с плиты и поставить вариться картошку. Откуда-то появилась крышка на баке с картошкой. Слава Богу, теперь картошка должна быстро свариться. Мужчин в храме нашла быстро, сняли с плиты компот, поставили варить картошку, и я побежала в Андреевский храм искать свободную кастрюлю.

Храм был закрыт. Кто и когда его закрыл? Я же только 20 минут назад из него вышла. Вернулась в Воскресенский храм, нашла алтарника, но ключей у него не оказалось, кто-то их забрал. Бегали с ним, выясняли, кто мог взять ключи, сказали, что ключи отдали женщине для уборки, она сейчас там, в храме. Снова побежала обратно, храм был закрыт. Господи, что же делать? Я стала нервничать, бегала от закрытой двери Андреевского храма к закрытой двери крестильного храма и не могла успокоиться. Кто-то подошел ко мне и сказал, что в конторе спрашивают, сколько нам нужно железных столов. Сразу вспомнила, что мне надо будет делать общую трапезу на улице, я совсем об

этом забыла. Сильно заглодало, пошел снег. Как можно в этих условиях вообще что-то организовать на улице? Что же мне делать? Господи, помоги, Ты же видишь, я совсем никакая!

Снова побрела в Воскресенский храм, больше по привычке, чтобы только что-то делать, я еле сдерживалась, чтобы не расплакаться от растерянности и бессилия. Вижу Валентину Андреевну, несколько человек хватают ее за руки, что-то говорят ей, а она никому не отвечает ни слова, руководит перенесением гроба батюшки в центр храма. Прибежал радостный алтарник с ключами, а я никак не могу выйти из ступора. Валентина Андреевна подошла ко мне и сказала, чтобы я не рассчитывала сегодня на нее, все дела по трапезе я должна решать самостоятельно, без нее. Пошла к Андреевскому храму, громко рыдая, даже не вытирая слез, как я могу одна, без Валентины Андреевны справиться с этим непосильным для меня послушанием?

И вдруг на меня бросается собака, бешено лая. Откуда она взялась, да такая огромная, и как оказалась передо мной так неожиданно? Ее не было ни справа, ни слева, ни впереди. Я хоть и плакала, но видела все происходящее вокруг, как идущие навстречу люди смотрели на меня с сочувствием, кто-то даже перекрестил меня. И тут совершенно неожиданно откуда-то изнутри меня поднялась такая мощная волна, от силы которой я даже вздрогнула, мгновенно собралась и крикнула: «Прочь от меня!» Собака поджала хвост, заскулила и стремительно убежала. Больше я эту собаку не видела. Страху никакого не было, я стояла и спокойно размышляла: что это было, и была ли вообще эта собака, может, у меня уже галлюцинации от нервного перенапряжения? Ко мне подошла взволнованная женщина и сказала, что она чуть не умерла от страха, видя, как эта громадина бросилась на меня, этот лай до сих пор у нее в ушах стоит. Все мое оцепенение прошло, голова прояснилась. Слава Тебе, Господи, я пришла в себя. Нашла время унывать. Прости меня, Господи, Ты все видишь, что со мной творится, помоги, не оставь меня ради батюшки!

Только спустилась в подвал, привезли пироги из сестричества, занялась сама разгрузкой, некогда было искать людей. Ищу список оставшихся дел, он бесследно исчез. Ладно, не впервой, Господь Сам все управит. Отыскала половник и свободную кастрюлю и побежала в Воскресенский храм отливать компот. Нашла мужчин, перенесли компот в Андреевский храм. Вспомнила, что мало соли, нет подсолнечного масла, пакетов больших и маленьких, кого-то отправила в магазин. Нужны были люди, снова побежала искать их в Воскресенский храм, но к кому бы я ни обращалась с просьбой помочь, все отказывались. Одни после бессонной

ночи у батюшки были без сил, другие только что пришли к батюшке и хотели побыть около него. Припала к иконам. Несмотря на слабость во всем теле, на душе было спокойно. Подошла к одной монашествующей, попросила помочь, она с радостью согласилась послужить батюшке, которого знает 15 лет. Прибежала Ирина: «Олечка, что делать?», подошла смиренная Леночка и монахиня М., приехала Клава с какой-то женщиной, еще пришли люди. Господи, как Ты милосерд, как мне благодарить Тебя?

Стала организовывать работу. Привезли еще пироги, картошку с грибами, какие-то продукты, посуду, которую я просила. Они же не знали, что ситуация изменилась и эти красивые салатники мне уже не нужны. Надо было принимать продукты, быстро все сортировать. Всем желающим помочь давала задания. Теперь мне удивительно, как четко и быстро я тогда соображала, не просто загрузила всех работой, а именно той, которая была просто необходима. Попросила Ирину следить за картошкой, которая варилась в подвале храма, где должно быть отпевание батюшки. Принесли воды в огромный самовар, включили все чайники, стали заваривать чай. Кто-то выкладывал вновь принесенные закуски в салатники, кто-то резал зелень для заправки картошки. Поставили греть борщ, но плитка работала плохо. Господи, что делать? Через 5 минут Иришка где-то отыскала еще одну маленькую плитку, да такую хорошую. Пробегая мимо нашей комнаты, услышала, как разрывался телефон, с кем-то разговаривала, что-то решала, быстро составила новый список неотложных дел и снова бегала между храмами по улице без пальто, не чувствуя ни холода, ни снега. Прибежала Ира сказать, что с картошкой плохо, за это время вода даже не нагрелась. Без картошки нам нельзя, в Великий пост как без нее? Решили слить воду, верхнюю часть бака освободить хотя бы на четверть от картошки и перенести сюда, в трапезную, а бак с оставшейся картошкой залить кипятком. Ирина схватила свободный чайник и убежала, я, глядя ей вслед, подумала: как она это сможет сделать, в баке 80 литров, но ни секунды не сомневалась, Господь поможет ей.

Надо было заняться общей трапезой практически с нуля. В первую очередь нужны столы. Я не отследила, кто приходил из конторы насчет столов, не записала ни телефон, ни фамилию, а железные столы мне сейчас были бы очень кстати по такому снегу, я бы их установила уже сейчас. Где мне теперь искать этих людей? Нет времени на поиски. Уйти не могу, я нужна сейчас здесь, в отсутствии Валентины Андреевны все обращаются ко мне. Ну, допустим, я нашла эти столы, а как

их тащить, они неподъемные. Где мне сейчас найти мужчин, все измотаны до предела, еще нужны тележки, чтобы перевозить столы, потому что на руках от колумбария их просто не донести, очень далеко. Значит, железные столы нам не нужны, буду искать столы здесь, их нужно подготовить уже сейчас. Только подумала, чем бы мне покрыть столы, скатертей мало, навстречу бежит Лидия, дала мне новые белые простыни и двойной полиэтилен, чтобы защитить столы от снега.

В крестильном храме в углу стояло всего 3 стола. Куда делись столы из этого храма, которые я сама лично сюда переносила? В воскресной школе вчера поздно вечером столов не было, я это хорошо помню, а руки сами открывали дверь. Столы стояли там, как ни в чем не бывало. Кто-то перенес их сюда, да какая мне разница, кто, когда и зачем. Слава Богу, столы нашла! Дала задание монахине М. промыть полиэтилен и разрезать его вдоль точно по ширине стола. Плиточка оказалась замечательной, ведро супа хорошо грелось. Надо было чем-то мешать борщ, чтобы не подгорел, попробуй найти теперь половник в этой неразберихе. А найти надо, чем они будут разливать первое?

Кто-то попросил меня позвонить по городскому телефону, мы пошли в нашу каморку, но она оказалась закрытой. Как это? Кто мог ее закрыть, дверь все время была нараспашку и зафиксирована? Кто последний был здесь? Никто ничего не знал. Сотрудники храма сказали, что ключи только у одного Славы, которого днем с огнем не найдешь. Мне был срочно нужен список дел, который я сегодня составила, пока отвечала на телефонные звонки. Где мне искать этого Славу, которого я ни разу не видела? Нет времени на это бесполезное занятие. Помогите мне, Господи найти его! И побежала вниз, в трапезную. В подвале кипела работа. Проверила, как все делается, осталась всем довольна.

Так, хватит суеты, самое главное сейчас продумать, как и что поставить на общую трапезу, потому что всё, что вчера с такой любовью было разложено на блюдах, не годилось для улицы. Мне нужна сейчас не красота, а удобство. Пойдет толпа людей, все сгрудятся вокруг этих больших тарелок и, в конце концов, останутся голодными. Значит, надо сделать все так, как будет удобно промерзшим и уставшим людям, организовать «шведский» стол. Пришли мои вчерашние «палочки-выручалочки», мы решили крупно нарезать отдельно овощи и фрукты, чтобы всем сразу все было видно и понятно, тогда каждый сможет взять себе то, что хочет. Откуда-то вдруг нашлись большие тазики, кастрюли, и эти замечательные труженицы приступили к работе, все у них выходило ловко и быстро.

Поднялась к монахине М., она как раз все закончила. Кто-то окликнул Славу, оказалось, что это тот самый, он открыл дверь. Слава Тебе, Господи! Моего списка дел нигде не было, так мне и надо, бестолковой, сколько можно наступать на одни и те же грабли? Снова бегу в подвал, стала разбираться с кучей пакетов, в которые мы ночью скинули всю нашу красоту. Вообще-то разобрать все это было просто невозможно. Только я подумала: сколько человек мне поставить на разборку этих пакетов, кто-то пришел и сказал, что началось отпевание. Всех моих женщин как ветром сдуло. Я и не пыталась их удержать. Спасибо, что помогли, в конце концов, они приехали на отпевание и на похороны батюшки, а не для того, чтобы торчать со мной на кухне. Пришедший из храма человек сказал, что в храме полным-полно народа. Я тут же подумала, что все они придут к нам кушать. Ладно, придут и придут, будем кормить до тех пор, пока хватит еды. Теперь моя задача подготовить все для общей трапезы на улице. Оказалось, что мои «палочки-выручалочки» не ушли, работают. Слава Богу!

Вошла на кухню и обомлела. Столы на кухне опять все заставили, на полу нет свободного места от множества пакетов, утром приходило много людей, знавших батюшку, и приносили продукты. Надо было разбираться с этими вновь принесенными незапланированными продуктами, сортировать их. Принесли много домашних солений, что мне с ними делать? Для батюшек стол готов, там даже ставить некуда, а на общую трапезу все равно мало. Все эти банки пригодятся Валентине Андреевне и матушке, к ним все время будут приходить люди, их надо будет чем-то кормить. Стала относить все эти банки наверх, в каморку. Туда же ночью я перенесла довольно много продуктов, привезенных Ксенией, которые нам уже не пригодятся в новых условиях проведения поминальной трапезы. Практически все перенесла одна, кроме двух мешков картошки по 50 кг. О своем больном позвоночнике даже не вспомнила, я его просто не чувствовала. Валентина Андреевна потом удивлялась, откуда столько продуктов у них появилось? Я даже не помнила, как и когда организовала перевозку этих продуктов к ним домой. Оказывается, я, не зная никого, безошибочно подходила только к тем, кто был в это время на машине, и все сразу соглашались помочь.

Обнаружила еще много пакетов с фруктами, ведро со свежими помидорами, их надо было резать. У моих помощниц закончились все емкости, но мне легко удалось найти большие блюда и подносы. Как их можно было найти в незнакомом месте? Я иногда дома нужную вещь не могу найти после

своей уборки. Я сортировала и раскладывала на кухне продукты по разные стороны, а потом относила их своим помощницам или наверх в каморку. Через некоторое время пакеты исчезли, я даже не сразу поняла, что разборка закончена. Подошла к своим «палочкам-выручалочкам» и ахнула от изумления, как у них все было красиво порезано, уложено и упаковано в ящики и картонные коробки. Все было сделано настолько разумно и гениально просто, что у меня просто не было слов. Оставалось только перенести все на улицу и поставить на столы. Слава Тебе, Господи, что послал мне таких чудных женщин. Они попросили разрешения идти в храм на отпевание. Удивительно послушание этих женщин!

Поблагодарила их и стала упаковывать все одноразовые тарелки, сахар, заварку, стаканчики (просила помощниц отделить каждый стаканчик и проложить салфетками, чтобы на морозе удобно было быстро вытащить их из пакетов). А где же вилки для картошки, я кого-то посылала за ними и их точно купили, но куда они их положили? Вообще-то найти их сейчас было задачей невыполнимой, но Ангел-хранитель просто вел меня в разные места и останавливал. И именно там, в совершенно невероятном месте, где бы никогда не догадалась посмотреть, я находила то ложки, то вилки. Но про Ангела я тогда не думала, я вообще ни о чем не думала, просто выполняла свое послушание. Я делала одно дело, потом мгновенно переключалась на другое и помнила о третьем. В голове все было четко и ясно, несмотря на мою беготню и суету. Такое со мной впервые, мне совсем не свойственно иметь хорошую реакцию и ясность в голове, да еще так долго. Да, это Ангел-хранитель помогал мне, все делал за меня, неразумную. Кто-то из священнослужителей сказал мне в тот день, чтобы я не падала духом от всех козней бесовских, за мной стоят Ангелы и разгоняют их. У меня тогда не было времени уточнить, это образное выражение или им что-то было видно духовными очами.

Нашла сковородки, чтобы греть картошку с грибами для батюшек, почему-то раньше мы их никак не могли найти. Картошка закипела, нашла подсолнечное масло, все должно быть под рукой, когда сварится картошка. А что делать с компотом? Варили мы его всю ночь для общей трапезы, и он прошел бы на «ура» здесь, в трапезной, а на таком холоде кто его будет пить? Куда теперь девать 60 литров компота? Ксения привезла просто отборнейшие сухофрукты, и компот получился очень вкусным. Но если столько людей в храме, у меня просто не хватит кипятка на всех, и пока будут закипать новые порции воды в

чайниках и самоваре, компот будет востребован. В конце концов, по такому холоду кипятком быстро станет чуть теплым и бак с горячим компотом не успеет быстро замерзнуть. Нашла компот наверху, фрукты плавали на поверхности бака. Где мне найти половник, чтобы разливать компот? Надо выловить все фрукты из компота, а то людям, разливающим его, будут одни мучения. Кому бы мне поручить это дело? Только подумала, идет Вера помогать мне, она сама нашла где-то кастрюли и половник, разложила фрукты из компота по красивым салатникам и поставила их на столы. Все потом хвалили эти сухофрукты, такие они оказались вкусные.

Прибежала запыхавшаяся, бледная от волнения сотрудница храма, староста срочно требует встречи со мной, уже идет отпевание, скоро начнутся поминки, а к ней так и не пришел распорядитель трапезы, все делается за ее спиной, и она этого так не оставит. Я была абсолютно спокойна, сама на себя удивлялась. В храм уже было невозможно войти, с большим трудом мы протискивались за ящик в кабинет старосты. Ко мне кинулась Ирина сказать, что, несмотря на все ее усилия, картошка до сих пор не закипела. «Как что делать? А ты молилась, ты помощи у батюшки просила?» Ира на моих глазах успокаивалась. У меня не было даже минуточки, чтобы помолиться, я слышала шаги, это спускалась ко мне староста. Страх не было. Боже, будь со мною, как всегда был с нашим батюшкой!

Передо мной стояла высокая, довольно красивая женщина, ее портил только холодный взгляд. Я представилась и сказала, что, идя сюда к ней, поняла, какую совершила ошибку. По всем законам здравого смысла распорядитель поминальной трапезы после получения благословения должен найти старосту, чтобы сообща решать все возникающие проблемы. Только теперь это дошло до меня, так было бы не только правильно, но и разумно, это бы сняло очень много проблем, которые все время возникали у меня из-за того, что я здесь человек новый и никого не знаю. Я объяснила, что никогда не была распорядителем на поминках, тем более такого масштаба. Для меня самой такое назначение было очень неожиданным. Батюшка — мой духовный наставник, я его очень люблю и должна ему послужить всем, чем могу. И хотя у меня нет ни опыта, ни организаторских способностей, я стараюсь изо всех своих слабых сил, чтобы выполнить это послушание хорошо. Да, я не соблюла субординацию, и в этом моя вина, но это произошло исключительно по моей неопытности и растерянности. Прошу великодушно меня простить.

Что-то дрогнуло в ее лице, чувствовалась, что она чем-то удивлена. Напряжение резко спало. Староста шумно выдохнула и сказала, что дело не в субординации, просто ей надо писать отчет в Патриархию, а она не знает, что ей писать, потому что не в курсе дел и вызвала меня только для того, чтобы познакомиться и помочь всем, что в ее силах. Сообщила, что была в трапезной, видела накрытые столы, а почему до сих пор нет столов на улице, когда же я буду все делать? Я спокойно ответила, что все столы готовы, застелены скатертями и простынями и покрыты полиэтиленом от непогоды, я их выставлю на улицу сразу после выноса батюшки из храма только потому, что мне жалко эти деревянные столы, ведь идет такой снег. Она не смогла скрыть своего удивления, что я пожалела чужое имущество и недоумевала, как можно за такой короткий срок накрыть все столы, сколько же у меня людей? Поинтересовалась, чем мы будем кормить людей, где и как, спрашивала очень конкретно и детально, чувствовалась, что она хорошо осведомлена. Я отвечала все, как есть, без утайки. Спросила, как я решаю проблемы с продуктами, готовкой и помощниками. Я ответила, что таких проблем у меня вообще нет. Люди приходят сами и предлагают свою помощь, мое дело только организовать работу. Готовить здесь негде, поэтому батюшкины чада всю еду готовят дома ведрами и привозят сюда сами на машинах. Нашлись спонсоры, которые наняли мне в помощь профессионального менеджера ресторана, она закупила все продукты отличного качества и привезла их на трех машинах. Варим мы здесь только картошку, Вы слышите ее запах, а также сварили компот и морс, вскипятили большой самовар, все чайники, еще привезут в термосах литров 100 кипятка, подогреем борщ для священников и картошку с грибами. Духовные чада испекли вкуснейшие постные блины, сколько, даже не считала, хватит всем, приносили кто 200 штук, кто 100, кто 50. Пирогов у нас 2400 штук, кутьи тоже достаточно, привезли много разных салатов, винегрет, всевозможные соленья. Затем она спросила, сколько у нас вина, у нее есть очень хороший кагор, и она готова нам его пожертвовать. Я спокойно ответила, что никакого вина у нас не будет, по уставу сегодня не положено, батюшка был постник и вообще не пил спиртное. Она удивилась: «Даже у священников не будет вина?» Я ответила утвердительно.

Она слушала меня очень внимательно, потом спросила, что я думаю по поводу трапезы на улице. И я честно сказала, что сначала была очень расстроена, но потом поняла, что это произошло по воле Божией, потому что в трапезной мы мо-

жем посадить только 30 человек, реально можно организовать только две смены, мало кто захочет стоять долго на таком холоде в очереди и ждать, пока их покормят. Поэтому мы смогли бы накормить не более 130 человек в двух трапезных за две смены, а остальные ушли голодными и этим мы бы очень огорчили батюшку, ведь он кормил всех приходящих к нему и никого не отпускал голодным. А теперь мы выполним батюшкин наказ и накормим всех! Я говорила спокойно и просто, она была немного растеряна. Затем староста спросила про деньги, хватает ли мне их? Я ответила, что не в курсе денежных проблем, через меня не прошло ни одной копейки, они мне не нужны, все устроилось по молитвам батюшки. «Вы видите, сколько у него духовных чад, сколько людей пришло проститься с ним. И ведь все эти люди знали его не понаслышке, всех батюшка вымаливал. Когда батюшка знакомился с новым человеком, он записывал не только его имя, но и имена родных: маму, папу, братьев, сестер, мужа (жену), детей, внуков и за каждого из них ежедневно молился. Он вымаливал весь род! И сейчас многие из этих людей хотят послужить батюшке, в первую очередь своим трудом. Поэтому те, кто готовил еду (а привозили нам ведрами), и слышать не хотят о компенсации своих затрат, принесли кто что мог: грибы, винегрет, салаты, трехлитровые банки своих солений. Поэтому зачем мне деньги? У меня другое послушание — организовать прием продуктов и распределить работу».

В этой женщине произошел какой-то перелом, в первую очередь изменились глаза. Сначала я никак не могла понять, что именно, а потом дошло: ушел этот холодный взгляд. И вдруг она совсем другим голосом стала говорить, что на таком отпевании, как сейчас, она никогда не была: «Это Пасха!» Отпевание нашего батюшки потрясло и поразило ее до глубины души. Она по-хорошему завидует нам, духовным чадам, что мы знали батюшку, и уверена, что он праведник и будет у Престола Божия молиться за всех нас. Ей очень жаль, что она не была знакома с о. Михаилом, но ей хочется сделать что-то хорошее для него, чтобы он вздохнул и о ней там, на Небесах. Я утешила ее, ведь с батюшкой можно познакомиться через его книги. Староста обняла и расцеловала меня, спросила, нужна ли мне какая-нибудь помощь, она готова бросить все дела и помогать или прислать людей. Я сказала, что ничего не надо, пусть каждый занимается своим делом и что здесь в храмах Ваганьковского кладбища работают просто замечательные люди, они от всей души мне помогают. Она согласилась со мной, что здесь хороший коллектив. На этом мы и расстались. Вышла я от

нее в храм чуть живая, но душа моя ликovala, Господь за смирение нашего батюшки растопил лед в глазах этой женщины, и она увидела и услышала Пасху среди Великого поста. Чудо из чудес. Что может быть важнее преображения души? И не мое дело, как глубоко это произошло в ее сердце и насколько она сумеет сохранить это состояние. Слава Тебе, Господи, за все!

Подбежала радостная Иринка сообщить, что картошка не просто закипела, а уже сварилась. Я ничему уже не удивлялась. Побрела в Андреевский храм, надо было заниматься делами. Стала переносить ящики и коробки с пирогами и все, что нужно для общей трапезы, ближе к выходу, чтобы можно было быстро накрыть столы на улице. Кто-то сказал мне, что все ушли прощаться с батюшкой. Как прощаться? А я? Как же мне не увидеть батюшку в последний раз? Я бежала бегом, боясь опоздать.

В храм невозможно было войти, очень много людей стояло на ступеньках и вокруг храма. Я просила прощения и протискивалась между людьми, пытаюсь войти в храм, но мне удалось подняться только на первую ступеньку, так плотно стояли люди, буквально стеной. Я разрыдалась от отчаяния. Господи, я самая грешная среди всех этих людей, поэтому Ты не допустил меня ни на панихиды, ни на отпевание, позволь мне хотя бы проститься с моим дорогим батюшкой, ведь на захоронении я тоже не смогу быть. Господи, я же не могу стоять в очереди, Ты же знаешь! Я сказала старосте, что у меня все готово, а у самой даже столы не накрыты на улице. Господи, пожалуйста, пропусти меня, грешную, к батюшке, я так хочу с ним проститься! Это был крик души. Удивительно то, что никто не мог слышать в этой толчее моих слов, я шептала их чуть слышно, а люди расступались передо мной, и я свободно проходила вперед. Вижу перед собой гроб батюшки, людей пропускают с двух сторон, у всех красивые, какие-то необыкновенно торжественные лица. Я не чувствую скорби, только благоговение и желание прикоснуться к батюшке. Это не прощание для меня, нет, это что-то больше и глубже, но этого мне сейчас не дано понять. В голове нет ни одной мысли и ни одной просьбы, я просто благодарна батюшке за всё!

Слава Тебе, Господи, как Ты со мной нянькаешься! Из храма вылетела как на крыльях, я не чувствовала свое тело, мне было легко и покойно. Я вдруг поняла, что пока не выполняю это послушание, Господь не оставит меня Своей Милостью ради батюшки. В трапезной меня напряженно ждала Валентина Андреевна, она уже знала, что староста вызвала меня. Я кратко передала суть разговора. Валентина Андреевна крепко ждала

мою руку и сказала, что я даже не представляю, какую выиграла битву, и тут же ушла. Надо же, она даже не спросила меня про общую трапезу, хотя видела, что на улице нет еще столов, настолько она мне доверяла.

Стали приходить женщины, желающие помочь, я отдавала какие-то распоряжения, никто не стоял без дела. Мне срочно нужны были мужчины. Только подумала об этом, Ирина с молодыми людьми принесли бак с картошкой, я тут же увела ребят помочь со столами. Вынесли на улицу все столы из воскресной школы, Андреевского и крестильного храмов, как хорошо, что я не успела отдать ключи, где бы я теперь их искала. Место для столов, которое я так тщательно распланировала на улице, было занято какими-то машинами. Ладно, значит, это не наше место. Мы расставили три ряда столов вдоль Андреевского храма, под разными углами. Вмешался работник кладбища, ему все это не понравилось. Я с ним не спорила, внимательно его слушала, а сама делала по-своему. Не помню, что именно ему говорила, только мы быстро подружись, и он стал помогать расставлять столы так, как мне было нужно. Поблагодарила ребят и отпустила их к батюшке на захоронение.

Мне нужна была монахиня М., и она тут же появляется. Мы вдвоем пытаемся накрыть столы скатертями и белыми простынями, у нас ничего не получается из-за сильного ветра и дождя. Неожиданно повалил очень густой снег, да такими огромными хлопьями, что за 5 минут на столах образовались сугробы. Я не сообразила, что это небесный покров нашему батюшке. Тогда я этот снег воспринимала, как очередное искушение, но не роптала, не возмущалась, наверное, потому, что просто не было на это ни секунды времени. Ну что за умница эта монахиня! Мы понимали друг друга без слов. Вдвоем с двух сторон быстро сбрасывали на землю снег со стола с помощью бумажных полотенец, покрывали стол скатертями и простынями, а сверху полиэтиленом. Несмотря на согласованность наших действий и полное взаимопонимание, сильный ветер срывал наши покровы. Я стала бегать в подвал и приносить пакеты, разные коробки, чтобы ими можно было хоть как-то зафиксировать на столе полиэтилен. А монахиня в это время буквально лежала на столе, раскинув руки, пытаясь удержать наши покровы. Это была борьба с непогодой, и мы боролись изо всех сил. Когда мы покрыли последний стол, ветер тотчас стих, но снег еще больше усилился.

Приехал Александр с пирогами и кипятком, предложил открыть и поднять заднюю дверь своей большой машины, тем самым сделать хоть какой-то навес от снега. Я попросила его действо-

вать, а сама побежала носить из подвала все, что мы приготовили для общей трапезы. Я не успею одна, мне срочно нужны люди. Господи, пожалуйста, управи, людей больше нет, все у батюшки! Только вздохнула, а меня уже ищут 4 девушки, их прислала Валентина Андреевна мне в помощь. Слава Богу! Все вместе переносим всю еду из подвала. Расставляю еду не по эстетическому принципу, а рационально: капусту к капусте, соленья на один стол, овощи на другой, фрукты на третий. Так мы быстро заполнили весь длинный ряд столов, который был предназначен для «шведской» трапезы. Принесла пищевую пленку и нож, девушки запаковали пленкой все емкости с едой от снега. Девчонки окоченели. Я даю им четкие указания, что делать каждой из них, когда пойдет народ, и отправляю их погреться в храм. А сама бегу в подвал в трапезную, выливаю в пустой бак процеженную заварку, 2 пачки сахара, несколько чайников кипятка, быстро перемешиваю, снова ставлю чайники. Какой-то предусмотрительный человек принес ведро воды, она мне сейчас так нужна для чайников, ведь в трапезной нет водопровода. Оказывается, сама распорядилась какое-то время назад, ничего не помню. Женщины в трапезной подогрели борщ для священников на двух конфорках и занялись постепенным разогревом картошки с грибами.

Стали по одному подходить в трапезную священнослужители. Бегу наверх, девочки мои стоят в притворе храма, не пошли чай пить и погреться, бояться пропустить народ с кладбища, хотят батюшке послужить. Какие славные девчушки. У Александра все готово, уверен, что 700 пирогов, которые он привез, не просто хватит, а половина останется. Спорить не стала, во всяком случае, мне ясно одно: сейчас пока не надо нести пироги из подвала. Меня кто-то хватает за руку, в трапезной не хватает тарелок и вилок, что делать? Нахожу тарелки и вилки, молча отдаю, снова бегу наверх и вижу толпу людей, которую ведет Валентина Андреевна. Сначала растерялась, у меня же еще не все готово. Выручили мои девчушки, которые стойкой выпорхнули из храма и стали быстро и ловко распаковывать все емкости с едой, убирать снег со столов, приглашать к столам, показывать, где что. Какие умнички!

Срочно нужна горячая картошка, все замерзли, овощи без горячего не пойдут. Как мне принести бак картошки? Никак не могу найти мужчин, одни еще не вернулись с захоронения, другим хочется попить чаю, а я лезу с просьбами. В моей организационной работе произошел сбой, причем в самый неподходящий момент. Когда я говорила старосте, что у меня все продумано, я не врала.

Я действительно старалась заранее договориться со многими людьми, чтобы они мне помогали на самой трапезе, при раздаче еды. Некоторых присылала в воскресенье Валентина Андреевна, когда те предлагали свою помощь, некоторые подходили ко мне в храм сами. Каждой женщине я давала тогда четкое задание: кто будет чай наливать, кто стаканчики вынимать из пакета, кто пироги раздавать, кто блины, а кто картошку, кому ложки и салфетки подавать и т.д. Всех просила прийти ко мне хотя бы за 10 минут до общей толпы. Ко мне не пришел **никто**. Помню, мелькнуло раздражение, что из-за неорганизованности нескольких человек на самом последнем этапе идет насмарку вся наша огромная работа.

Господи, Ты все видишь, у меня, бестолковой, ничего не получается, помоги мне ради батюшки! Тут же мужчины соглашаются помочь, мы с трудом протискиваемся сквозь толпу людей и приносим большую кастрюлю горячей картошки. Некого мне было поставить сюда, и я сама стала раздавать людям картошку. Как она вкусно пахла, с деревенским ароматным постным маслом, с зеленью и чесночком! Вокруг было полным-полно народа, толпа около Александра за чаем, другая около монахини М. за пирогами, толпа уже много меньше рассредоточилась около «шведских» столов и небольшая очередь около меня с картошкой. Снег прекратился так же неожиданно, как и начался. Тут же подбегает Оля: «Я буду тебе помогать!» и мы вдвоем очень быстро стали раскладывать картошку, я половником, она большой ложкой. Картошка шла на «ура», горячая, аппетитная. Я удивлялась, почему все подходили к нам уже с тарелками, ведь я же положила их только на наши столы, чтобы раздавать горячее. Откуда они взяли тарелки? Уже потом монахиня М. мне рассказала, что я принесла много одноразовых тарелок к ним на чайные столы, Александр даже ворчал на меня, зачем. А люди, попив чаю с пирогами и блинами, брали тарелки, вилки и шли к «шведским» столам, а потом за картошечкой. Я не задумывалась тогда, что и почему именно так делаю.

Оля прогнала меня от себя: «У тебя что, других дел нет, как картошку раздавать? Ты организатор всей трапезы, иди и занимайся своим делом». Она была права, но как же мне не хотелось уходить. Как это здорово кормить людей на этой трапезе, душа поет и ликует, я даже не могла себе раньше этого представить. Я чуть-чуть отдохнула от своего бремени, а меня уже ищут, в трапезной кончились глубокие тарелки, столько народу пришло, куда борщ наливать? Александр зашивался с чаем, и хотя он работал быстро и четко, очередь к нему двигалась медленно. Ему срочно нужна по-

мощь. Вижу уже знакомые за эти дни лица, прошу помощи, но меня никто не слышит, то есть мне соглашаются помочь, а сами как стояли и пили чай, так и продолжают это делать. Пытаюсь еще раз достучаться, снова прошу, мне отвечают, что нельзя требовать от людей невозможного, все устали, хотят просто поговорить, пусть каждый сам за собой поухаживает. Вы себя оправдали, а мне-то, неумехе, которая даже не умеет с людьми разговаривать, как перед батюшкой оправдаться? Господи, помоги всех накормить, Сам организуй всех этих людей, я не могу до них достучаться!

Вижу, что надо срочно нести чай и кипяток из подвала. Схватила буквально за руку кого-то из мужчин, увела с собой в подвал за баком с чаем. По пути кого-то попросила сейчас же налить все чайники и снова их поставить и еще принести воды. Мы успели вовремя, кипяток у Александра закончился. А народ все прибывал. Решилась еще раз попросить кого-то из женщин помочь разливать чай. Одна из них с радостью согласилась, и эта Света была до самого конца, пока мы не накормили всех людей. Слава Тебе, Господи! Так, этого бака чая хватит минут на 15, не больше. Нужен компот. Этим же мужчин снова повела с собой в каморку, где стоял бак с компотом. Пробраться туда было непросто, надо было идти по узкому коридорчику, забитому людьми. Как у меня в руках оказался половник, уже не помню. Поблагодарила мужчин и снова побежала в подвал за кипятком. В трапезной было не повернуться от людей, женщины не без труда, но справлялись с работой. Кто-то у меня что-то спрашивал, всем отвечала и, видимо впопад, раз отходили успокоенными, суеты во мне не было, хотя я носилась, как метеор. Это была я и одновременно не я.

Налила из самовара ведро кипятка и понесла его наверх на улицу. На лестнице было много людей, некоторые священнослужители, покушав, стояли в коридорчике перед лестницей и беседовали. То, что они мне мешали, я тогда не понимала, просто боялась их обжечь. Несла полное ведро впереди себя и громко кричала: «Разойдитесь, я с кипятком». Как это выглядело со стороны, я не задумывалась, кто-то был недоволен такой бесцеремонностью и не скрывал этого, кто-то просто молча прижимался к стенке, пропуская меня, кто-то ободрял, кто-то крестил и молился вслед: «Помоги ей, Господи!» Кипяток оказался очень кстати, весь бак чая уже выпили, пошел на «ура» компот. Вылила в пустой бак свой кипяток, бросила туда много пакетиков заварки и снова побежала за кипятком в подвал. Срочно нужна заварка, Леночка ее даже отцедила, заварки было много, ищу на кухне, на столах, не могу

найти, прошу работающих здесь женщин помочь мне, безрезультатно. Потом мы все удивлялись, как мы не видели трхлитровый кувшин с заваркой, который стоял тут же, у нас на виду.

Сколько раз я бегала с кипятком туда и сюда, не помню. Кто-то громко зовет меня, я ничего не слышу, меня дергают за рукав, оказывается, пришла староста, зовет меня. А я сливаю последний кипяток из самовара, держу ведро на весу, отдаю при этом какие-то распоряжения и не могу подойти. Мне было не до этикета. Староста сама подошла ко мне, спросила, как я справляюсь. Я только пожала плечами: что говорить, сами все видите, вся в суете. Пригласила ее к столу, но она отказалась, сказала, что уже потрапезничала на улице, ей все понравилось, на редкость вкусная еда, все хорошо организовано. Она никогда еще не видела столько народу на похоронах. Предложила свою помощь, это было просто смешно.

Бегу навверх с кипятком. Чай в баке заканчивается. Чуть живой Александр убирал в машину пустые термосы. Кто-то хватается за руку, жалуются на монахиню М., которая раздавала всем по два пирожка, поэтому им не хватило. Понятно, пироги кончились, сейчас будут новые, ждите. Монахиня М. аж просияла от радости. Искать людей мне некогда, бегу в подвал, хватаю сразу несколько коробок с пирогами и бегом навверх. Кто-то потом недоумевал, как я могла бегать по крутой лестнице в длинном до пят пальто и ни разу не споткнуться. Да, коробок было столько, что они были выше моего лица, я ничего не видела перед собой. Как донесла, не знаю, тяжести не чувствовала, помню только, что бежала бегом, так легче. Несколько мужчин, усовестившись, глядя на меня, стали помогать носить коробки с пирогами.

Так, пирогов им пока хватит. Что у нас с картошкой? Оля выскребала со дна последнюю картошечку и виновато оправдывалась, что больше нет. Есть, ждите, сейчас принесу. Схватила на кухне кастрюлю и быстро понесла навверх. Оля была просто в шоке, как я одна донесла эту огромную кастрюлю. Ко мне подошли несколько человек, попросили разрешения взять еще один пирожок. Я удивилась: «Вам что, не дали, когда Вы попросили?» Нет, им дали по два пирога, потом они еще попросили по одному, но пироги такие вкусные, им еще хочется, а попросить стыдно. Я дала им по 4 пирога и велела давать пирогов столько, сколько попросят, никому не отказывать, пирогов много, я сейчас еще принесу. Как же обрадовалась монахиня М., оказывается, ее буквально заклевала какая-то проходящая мимо дамочка, всем бесплатно раздают такие вкусные пироги, а ей дали только один. Несмотря на усталость, монахиня выгляде-

ла счастливой. Да, я понимаю ее, сколько удивительных впечатлений получаешь, раздавая еду на этой необыкновенной трапезе. Если бы люди это понимали, никто бы не отказывался помогать.

И только теперь я увидела не толпу, которую надо накормить, а умиротворенных людей, которые с аппетитом кушали, кто у столов, кто поодаль. Да, народу было много, очень много. И как же хорошо, что мы все трапезничаем на свежем воздухе, здесь, конечно, не посидишь, как в трапезной, но зато ты можешь встать, куда хочешь, подойти и поговорить со многими, ты можешь пойти и сам взять со столов все, что там лежит, и то, что тебе хочется. Снег прекратился, ветер стих, у храма, где стояли поминальные столы, было совсем не холодно, особенно после чая и горячей картошки. Было тихо и спокойно и как-то необыкновенно хорошо на душе. Люди стояли небольшими группами и негромко разговаривали между собой. Все были довольны и умиротворены. Странно, мы потеряли батюшку, мы его похоронили, а никто не скорбит, все улыбаются и выглядят счастливыми, прямо светятся.

Обошла все столы, убрала освободившиеся тарелки. Еды на «шведских» столах было еще много. Так захотелось самой поесть, когда я вообще последний раз ела, никак не могу вспомнить. Взяла чистую тарелку, протягиваю Оле, чтобы положила картошки. Она спрашивает: «Это кому?», никак не могла поверить, что это мне, юмора мы с ней тогда не оценили, смеялись позже. До чего вкусная картошечка, да еще с соленым огурчиком. Теперь понимаю, почему все так благодарят за трапезу, еда действительно была необыкновенно вкусной, хотя постная и самая простая.

Подошел отец А., попросил собрать пакет с едой, Валентина Андреевна идет ко мне с такой же просьбой, кто-то срочно уезжает, не может покушать, надо быстро собрать несколько сумок. Побежала вниз искать пакеты и собирать еду. Только освободилась от пакетов, вижу, что закончилась картошка, бегу навверх. Первая партия священников покушала, заканчивает вторая, пришли дьяконы в третий заход. Есть свободные места для вновь пришедших, еды на столах много, женщины за этим следят. Картошки с зеленью больше нет, пошла в ход картошка с грибами. Хватаю ведро картошки с грибами, бегу на улицу. Около Оли уже толпа, она нервничает, увидела меня, просияла от радости. Пюре с белыми грибами оказалось необыкновенно вкусным. Потом Ирина еще несколько раз приносила нам картошку с грибами, пока она не кончилась. Не помню, сколько раз я еще бегала из подвала навверх с кипятком и коробками с пирогами. Картошка вся закончилась, Оля

ее так и не попробовала, но зато накормила всех желающих и радовалась несказанно. Рассказала, как один юноша подходил к ней 5 раз, смущался от этого и не мог ничего с собой поделаться, он никогда в жизни не ел такой вкусной картошки. Глаза у Олюшки сияли от счастья. Слава Тебе, Господи, что Ты поставил на это послушание именно эту Свою рабу.

Через некоторое время народ куда-то исчез, у «шведских столов» стояло всего несколько десятков человек, в основном пожилого возраста, около чайных столов уже никого не было. Неужели всех накормили? Не верится. Сколько же людей у нас было? Кто-то зовет меня, оказалось, это монахиня М., ее увозят на машине. Господи, спаси ее и сохрани, как она мне помогала все это время, только Ты знаешь! Потом несколько дней корила себя, что не узнала, поела ли она, не собрала ей ничего в дорогу, даже адрес и ее телефон не успела записать. Думала, потом у Валентины Андреевны возьму ее координаты, позвоню, поблагодарю, но оказалось, что никто эту монахиню не знает и все видели ее здесь в первый раз.

Подхожу к оставшимся людям, они горячо благодарят нас за трапезу, никогда в жизни не ели такой вкусной еды, на ней благодать Божия, им так хочется домой принести хоть кусочек своим родным. Стали раздать оставшуюся еду всем желающим, и все с радостью разбирали ее. За что нас-то благодарить? Наша только суета, часто бестолковая, это Господь сделал эту еду такой благодатной за смирение Своего угодника, чтобы нас, грешных, утешить. Лидия с мужчинами быстро и ловко стали освобождать столы, отнесли их на свое место, собрали весь мусор. Все полны сил, а я еле двигаюсь. Я была, как сдувшийся воздушный шарик, а ведь совсем недавно летала. Да, мое послушание закончено, поэтому и сил нет. Силы давал мне Господь только на послушание! Странное это было состояние, несмотря на полное отсутствие сил, у меня нет опустошенности и тупого равнодушия, когда тебе ни до кого и ни до чего, как бывает от чрезмерной усталости, а есть четкое осознание, что я выполнила всё от меня зависящее и отдала себя до конца.

В трапезной священников уже не было. За столами сидели в основном духовные чада батюшки, большей частью те, кто помогал на трапезе, и тихо беседовали. Кто-то спросил, сколько же людей мы накормили, и все повернулись ко мне за ответом. Мы прикинули, что в трапезной накормили больше 100 человек. Но как посчитать, сколько людей было на улице, на общей трапезе, кто же их считал? Я предложила посчитать по количеству одноразовых стаканов, за эту цифру

я была уверена. Спросила у присутствующих, видел ли кто-нибудь оставшиеся стаканчики, но им в трапезную никто не приносил пустую посуду. Оля вспомнила, как монахиня М. подходила к ней спросить, нет ли здесь стаканов, у нее они заканчиваются. Значит, все стаканы ушли. Меня сразу стали спрашивать, сколько их было? Я вынесла на улицу 700 стаканов, они были пересчитаны и разъединены каждый один от другого. Значит, мы накормили как минимум 800 человек! Эта цифра всех нас поразила, особенно меня, я никак не могла в это поверить. Но один мужчина сказал, что это вполне реальная цифра, даже заниженная, потому что храм был забит битком, все его приделы. При нем кто-то считал людей при выносе гроба из храма и, досчитав до 500, сбился, а прошла тогда меньшая часть. И все эти люди пришли на трапезу. Некоторые из присутствующих говорили, что людей было гораздо больше, чем стаканов, потому что они сами, увидев большую очередь за чаем, не стали там стоять, а пошли сразу к столам с овощами и картошкой. А когда поели, то взяли пироги, ушли по своим делам, так и не сумев выпить ни чая, ни компота. И так многие делали. Предложили мне считать количество людей по тарелкам, но это было невозможно, я не могла отследить, сколько их было всего, разные люди их покупали и приносили. Я была уверена только за стаканы. А скольким людям мы давали с собой еду буквально сумками, потому что они уже уезжали и не успевали покушать и выпить чай, их посчитать вообще невозможно. Значит, все правильно, мы накормили не менее 800 человек. Я была так удивлена, что никак не могла прийти в себя.

Пришла Лидия и, схватив меня в охапку, стала хвалить, как это у меня так ловко получилось накормить такую ораву, даже их строгая староста была поражена, что все было так хорошо организовано. А я, слушая ее, едва сдерживала слезы, я позавидовала им, что они все были на отпевании и захоронении, а меня за мои грехи Господь не допустил туда, я не достойна этого, мое место среди кастрюль на кухне, а не в святом храме на отпевании праведника. Я даже не знаю теперь, где батюшка захоронен, где его могилка, и, не выдержав, я расплакалась. Лида сказала, что надо было все бросить и идти в храм на отпевание, Господь бы Сам все управил. Но я не могла так поступить, наверное, мне не хватает полного упования на Бога. Знаю только, что если бы сейчас все снова повторилось, я бы поступила точно так же. Другое дело, что я не смогла все организовать так, чтобы высвободить время на самое важное дело — отпевание батюшки, это правильно, но Господь знает, как я этого хотела и как старалась. Конечно, у более сильного, прак-

тичного, спокойного и духовно опытного человека все бы получилось именно так, несмотря ни на какие искушения, но такого человека в тот момент у Валентины Андреевны не оказалось.

Кто-то, желая меня утешить, решил тут же показать мне могилку батюшки, и все сразу тоже засобирались к батюшке. Не знаю, о чем мы говорили по дороге, но хорошо помню, какие все были счастливые, прямо как в пасхальные дни. Могилка батюшки была недалеко, слева от колумбария, 33-й участок, это было место захоронения матушкиных родных. Могилу о. Михаила было видно сразу, она выступала метровым покровом над землей из самых разных цветов, такого количества цветов я еще никогда не видела. Таблички с именем батюшки еще не было, стоял только крест. Мы молча сгрудились вокруг могилки и ограды. Валентина Андреевна попросила отца А. начать литию, и он громко запел «Многая лета», все дружно подхватили. Мы даже не поняли, почему Валентина Андреевна нас так резко и сердито оборвала. Воцарилось общее молчание, мы никак не могли понять, в чем дело, смотрели на нее и недоумевали: что, не по нотам поем? Валентина Андреевна внимательно посмотрела на нас и тихо, с укором, сказала: «Какие многая лета? Батюшка умер» и запела: «Упокой, Господи, душу раба Твоего, новопреставленного протоиерея Михаила!» Все зарыдали, кто беззвучно, кто еле слыш-

но, кто с надрывом, все безутешно плакали, кроме Валентины Андреевны. Она стояла «в струнку», сжав кулаки, и одна пела литию. Господи, Ты один знаешь, каково ей было все эти дни, помоги ей! Я потом еще долго продолжала по привычке поминать батюшку о здравии в своих молитвах, ум мой никак не хотел вместить, что надо молиться об упокоении батюшки.

Как удивительно иногда все устраивает Господь. Поставить распорядителем поминальной трапезы старца Михаила немощную во всех отношениях женщину казалось (и не только мне) делом совершенно безнадежным и провальным, но если все делаешь по благословению в согласии с волей Божией, уже не важно, кто и какой ты, тогда твоими руками все делают Ангелы, главное им не мешать. А я, глупая, столько раз унывала вместо радости и благоговения, перед Ангельскими силами! Прости мне, Господи, мою немощь! Батюшка, прости меня за все ошибки, за мое малодушие и помолись за меня, окаянную! Благодарю Тебя, Господи, что я познакомилась с таким удивительным молитвенником, как отец Михаил, который буквально вырвал меня из некрещеного рода, и по его святым молитвам я уверовала. Какая же это Милость Божия ко мне, недостойной, мне всю оставшуюся жизнь надо благодарить Бога за этот бесценный дар. Слава Богу за все!

